

ЗЛЮСЯ РОМАНОВА

**НУ, ТЫ, БОДЯ
И КОЗЁЛ!**

18+

Злюся Романова

Ну, ты, Бодя и козёл!

<https://litres.ru/74248749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад я подобрал в метро малолетнюю психованную девчонку. Приютил, накормил и по глупости пообещал: исполнится восемнадцать — поговорим о нас. Она выросла. Я от своих слов отказался.

Лиза назвала меня козлом и исчезла. Теперь рядом с ней другой мужик, а я наконец понял: никакая она мне не сестра и отдавать свою девчонку я никому не собираюсь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Злюся Романова

Ну, ты, Бодя и козёл!

Пролог

Душная двухкомнатная квартира на северо-востоке Москвы. Воздух густой, как сигаретный дым после вечеринки, — пропитан дешёвым парфюмом, перегаром и электрическим напряжением, которое вот-вот ударит током.

На полу — хаос: разбросанная одежда, опрокинутые бокалы с остатками красного вина, бутылка, качнувшаяся и застывшая на грани падения, телефон с треснувшим экраном. Окно приоткрыто, но сквозняк не приносит облегчения — только гул утреннего города, сливающийся с грохотом разгорающегося скандала.

И этот грохот обрёл голос:

— А-а-а-а-а, отпусти, дура! — визг, от которого звенит в ушах.

Блондинка, на которой не было ровным счётом ничего, мечется, как загнанная лань. Её наращенные волосы превратились в соломенную копну, макияж размазан до готического эффекта, а в глазах — чистый, животный ужас. Она билась в цепких руках пигалицы с горящими безумием глазами, чьи пальцы впились в её пышные пряди, будто когти го-

лодной рыси.

— Я тебе сейчас все пакли повыдергиваю! — голос «неформалки» звенел, как разбитое стекло. Она трясла головой, и металлические кольца в носу и ушах звенели, будто предвещая беду.

— А-а-а, Богдан, Богдааан! — блондинка задыхалась, извиваясь, но хватка соперницы только крепчала.

Спаситель явился, как обычно, поздно. В дверной проем ввалился здоровенный детина, двухметровый, с плечами, как у атланта. Из одежды — только полотенце, сиротливо прикрывавшее мужское достоинство, но сейчас ему было не до стыда. Его тёмно-зелёные глаза — как вспышки молний в грозу: ярость, усталость, раздражение. Он явно не впервые становился участником подобного «махача», и каждая новая драка вбивала ещё один гвоздь в крышку его терпения.

— Лизка... твою ж мать... — его бас резал воздух, как топор.

Он схватил пигалицу за пояс, пытаясь оттащить, но та, несмотря на хрупкость, держалась мёртвой хваткой, будто впитала в себя всю злобу этого мира.

— Вон пошла отсюда! — крикнула она блондинке.

Последовал рывок.

Раздался щелчок.

Клок светлых волос остался в её пальцах. Блондинка, наконец вырвавшись, с подранной шевелюрой и красными полосами на плечах, метнулась к полу. Схватила первое, что

попалось — чёрное кружевное бельё, джинсы, топ — и, даже не пытаясь одеться, пулей вылетела из квартиры. Дверь захлопнулась с грохотом.

Воцарилась тишина.

Нет, не тишина — тяжёлое, свистящее дыхание.

Богдан стоял, сжимая кулаки так, что кости трещали. Его мускулы были напряжены до предела. Он сделал глубокий вдох, потом выдох, пытаясь не сорваться, не схватить эту мелкую бестию за шкуру и не вышвырнуть в окно.

Перед ним была Лиза.

Мелкая. Худенькая. Готовая сжечь весь мир дотла. Её короткие волосы торчали во все стороны, пирсинг блестел, а из ноздрей, кажется, вот-вот могло брызнуть пламя.

— **яяя, как ты меня за***! — его голос, обычно глухой и спокойный, теперь рвал глотку, как ржавая пила.

— Это я тебя з***?! — её визг взорвал воздух. — Это ты меня достал со своими шлюхами!

— Да тебе какое дело?!

— Мне есть дело! Ты мой и должен быть только со мной!

— Да с чего это вдруг?!

— Ты обещал... — и тут её голос сломался. Вся злость испарилась, осталась только обида, голая и беззащитная. — Обещал, что как только я стану совершеннолетней, мы будем вместе...

Богдан закатил глаза так, будто молил небеса о терпении.

— Да я что угодно мог три года назад пообещать, лишь

бы ты ко мне не липла! Я что больной под статью идти! То же мне, Лолита нашлась!

Лиза замерла. Её лицо исказила гримаса боли.

— Так ты... мне врал?

— Врал. И благодаря моему вранью ты взялась за голову и закончила школу. А после, если ты забыла, смогла поступи в Скрыбина на бюджет. Ты спасибо мне должна сказать!

— СПА-СИ-БО! — выкрикнула она это слово, но в нём была только горечь и яд.

Богдан тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу, будто стирая с себя всю эту дурь.

— Слушай, Лиз... Давай заканчивай с этим террором. Ты уже сколько лет гоняешь моих баб?

— Не буду заканчивать! Я у тебя есть!

— Ты че, дура совсем? Не буду я с тобой! Ты мне... — Он замолчал, потом выдохнул: — Ты для меня как сестра.

— Чего?! Какая ещё сестра?!

— Не люблю я тебя! Не хочу! Поняла?! Найди себе парня, а меня оставь в покое.

Наступила тишина.

По её щекам покатились слёзы. Она вытерла их кулаком, шмыгнула носом:

— Ну ты, Бодя, и козёл!

А потом она резко развернулась и вышла. Секунду спустя дверь захлопнулась с таким грохотом, что задрожали стены.

Богдан замер посреди разгрома — разбросанные вещи,

вырванные клочья волос на полу, перевернутый стул. Движение привлекло его взгляд: из-под дивана высунулись четыре морды — кошки этой бестии, до этого переживавшие бурю в укрытии. Жёлтые глаза уставились на него с неммым укором: «Ну и денёк устроил, хозяин».

Он запрокинул голову, уставившись в потолок, где трещина от прошлогоднего потопа зигзагом уходила в угол. В зубах горький привкус перегара и усталости. Глубокий вдох.

— Когда же это, бл***, закончится?..

Тишину нарушило только шуршание — одна из кошек осторожно тронула лапой вырванный пучок волос, потом фыркнула и удалилась с видом полного разочарования.

Глава 1

Три года назад

Я шагаю по оживлённому тротуару, подошвы военных туфель отбивают чёткий ритм по асфальту. В кармане заветный листок — увольнительная. Свобода, чёрт возьми! Пальцы сами собой набирают в телефоне проверенную временем группу: «Санек, Марк, Тим — кто ЗА шашлыки сегодня?». Ответы прилетают мгновенно — наши пацаны всегда на подхвате.

На душе сразу теплеет. Представляю: тлеющие угли, сочное мясо с хрустящей корочкой, ящик холодного пива. Только одного не хватает... Вот уж где месяц в казарме с мужиками дает о себе знать — даже начинаешь замечать, что у бабы Клавы из санчасти, оказывается, вполне симпатичные ягодицы. Впрочем, ладно — завтра с утра заскочу к Наташке, разомнём эту плюшку, пусть вспомнит, что такое настоящий мужик.

Спускаюсь в метро. Весенний воздух наполняет лёгкие, уже чувствуется тёплый дух приближающегося лета. И вдруг — перл природы на парапете у эскалатора. Девушка (если это можно так назвать) в чёрном длинном пальто до пят, в каких-то убитых «гриндерах», с волосами цвета ядовитой химии. «Бл***, на улице +20!» — едва сдерживаюсь, чтобы не крикнуть. Просто прохожу мимо, брезгливо морщась. Не

мой формат. Я люблю, когда у женщины есть форма — в прямом и переносном смысле.

Дома — быстрый душ, любимые джинсы, выгоревшие на коленях, чёрная футболка с принтом, кроссовки — и вперёд, на Ярославский вокзал.

«Лесная сказка» — это не просто дачный посёлок. Это кусочек детства. У бабушки Саньки там небольшой, но уютный домик с резными наличниками. Помню, как в десять лет мы с пацанами ночевали в палатке на заднем дворе, ловили карасей на самодельные удочки из орешника. А эти наши «экспедиции» за яблоками на заброшенные участки! Настоящие сорвиголовы — лазили через колючки, прятались от соседей, а потом, обожравшись зелёных антоновок, полдня мучились животом.

Сейчас мы, конечно, «взрослые» — по чужим огородам не лазим. Всё куда проще: собираемся той же компанией, пьём пиво, жарим шашлык и ржём как кони, вспоминая прошлое.

Электричка плавно замедляет ход у перрона станции «Хотьково». Ступаю на знакомый асфальт, вдыхаю полной грудью свежий сосновый воздух, перемешанный с ароматом нагретых солнцем рельс. Отсюда до дач — ровно три километра по узкой лесной тропе, петляющей между вековых сосен.

Начинаю бег. Ноги сами находят привычный ритм — лёгкая трусца, почти невесомая. Для меня это не тренировка, а разминка. Что уж там: после того как нас в училище гоняют

по плацу в любую погоду — и в ливень, и в тридцатиградусную жару — такие дистанции кажутся детской забавой. Вот что значит армейская закалка.

Мысли сами возвращаются к казарме: к утренним подъёмам по тревоге, к марш-броскам с полной выкладкой. Да, по сравнению с этим — три километра по лесу и правда курортная прогулка.

Впереди уже виднеются дачные участки. А вот он — наш штаб. Во дворе уже дым коромыслом. Саня колдует над мангалом, Тим вытаскивает из ящика запотевшие бутылки пива, а Марк что-то увлечённо рассказывает, размахивая руками. И, конечно, Ника. Санькина младшая сестра. Сидит в сторонке, нюхает какой-то полевой цветок, читает очередной талмуд о слезливых женских страданиях.

— Ну что, мужики, кутить будем! — бросаю рюкзак на веранду.

Жму всем руки по-мужски — крепко, с хрустом костяшек. В наказание за опоздание хлопаю «пятидесятку» залпом. Огонь разливается по жилам.

Саня подкладывает на решётку новую порцию мяса. Жир капает на угли, вспыхивает синими язычками пламени. Запах стоит — закачаешься.

— Помните, как в девятом классе... — начинает Тим.

И понеслась. Истории, смех, шутки ниже пояса. Даже Ника в какой-то момент не выдерживает и фыркает в кулак. Вот оно — настоящее. Только бы она не начала сейчас про «фу,

озабоченные»...

Время на даче пролетело как один миг. Солнце, шашлыки, смех друзей — всё осталось там, за чертой города. А я уже стою в вагоне электрички, покачиваюсь в такт стуку колёс. Мысли неизбежно возвращаются к службе: сегодня вечером снова казарма, строевая подготовка и эти бесконечные уставы. Но пока — я свободен.

План прост: заскочить в свою двушку, сполоснуться с дороги (армейская привычка — чистота прежде всего), а потом — к Наташке. Пусть снимает напряжение. В конце концов, я же будущий офицер, мне на службе о подвигах думать надо, а не о... ну, в общем, вы поняли.

Спускаюсь в метро. Поднимаюсь по эскалатору, лениво оглядывая толпу. И вдруг — взгляд цепляется за знакомый силуэт. Скрюченная спина, чёрное пальто (опять это пальто!), синяя мочалка на голове. Неужели... та самая «чудилка»?

Присматриваюсь. Сидит, сгорбившись, вздрагивает. Ревет, что ли?

Первая мысль: пройти мимо. Какое мне дело? Но тут это моё офицерское достоинство (да, оно у меня иногда включается в самый неподходящий момент) шепчет: «Ты же не последний мурак, подойди хотя бы спроси».

— Чего ревёшь? — бросаю как бы невзначай, присаживаюсь рядом (но не слишком близко — мало ли псина ка-

кая-то).

Молчит. Только шмыгает носом, вытирает ладонью соп-ли. Видок, конечно — воробей нахохленный, весь в слезах.

— Помощь нужна? — делаю последнюю попытку. Промолчит — и пошла нах...

Но не промолчала.

— Нужна! — вскрикивает так резко, что я аж вздрогнул. Поднимает голову — и впивается в меня карими глазами.

Офигеваю. Мелкая. Лет пятнадцать, не больше. Носик курносый, распух весь, веснушки на переносице. А взгляд — как у коршуна. Видно, не робкого десятка.

— Чего рыдаешь-то? — переспрашиваю, уже мягче.

— Мать из дома выгнала, — выдаёт сквозь соп-ли. — При-тащила в дом своего хахаля-алкаша (такого же, как она сама) и меня — на улицу.

— И давно?

— Три дня.

Присвистываю.

— И где «тусишь» всё это время?

— Где придётся, — буркнула, отворачивается.

Смотрю на неё. И вдруг — жалко мне её стало. Да, у меня сердце хоть и солдафонское, но живое.

— Ко мне пойдёшь жить? — выдаю неожиданно даже для себя.

Она резко поворачивается, впивается в меня глазами — будто рентгеном просвечивает. А потом — с вызовом:

— Пойду.

— Ну, пошли тогда.

Она поднимается, поправляет своё дурацкое пальто.

А я смеюсь про себя: «Ну ты, Бодя, кадр... Прямо Робин Гуд херов».

И веду её домой.

Что будет дальше? Хрен его знает. Но что мне еще остается? Офицерское достоинство, бл***, обязывает.

Глава 2

Если честно, я до сих пор не въехал, как так вышло. При-тащил с вокзала ревушую панк-девчонку с волосами цвета бензинового разлива, а через неделю она взяла и превратила мою берлогу в нечто, напоминающее человеческое жильё.

Сначала ждал подвоха. Выдавил из себя три правила, как на построении: «Мои вещи мои не трогать. Своих друзей – не таскать. Истерик – не устраивать». Она тогда посмотрела на меня своими колючими, как у раненой совы, глазами, хмыкнула и пошла штурмовать территорию, будто разведчик в тылу врага.

А потом пошло-поехало.

Я пропадал в училище по несколько недель кряду – то полевые выходы, то ночные караулы, то эта долбанная военная наука, от которой мозги встают торчком. Возвращался выжатый, как губка после мытья казарменного пола, мечтая только о двух вещах: о громадном куске мяса и кровати, на которой можно рухнуть и не двигаться. И каждый раз ловил себя на том, что в квартире что-то меняется.

Сначала это был холодильник. Раньше в нём обитали лишь пельмени – много пельменей – и пирамиды из доши-рака на полках. Теперь же там стояли кастрюли, от которых пахло так, что слюну сводило: щи, наваристый рассольник, борщ с салом... В контейнерах ждали своего часа котлеты,

голубцы, макароны с подливкой. Как-то раз, после трёхнедельного выезда, вломился домой под утро, весь в грязи и с температурой. Распахнул холодильник – а там порция бефстроганов с гречкой. И записка: «Разогрей, идиот. Не жуй холодное».

Квартира потихоньку обростала каким-то уютом. На подоконниках зеленела какая-то травка (не то укроп, не то петрушка), шторы появились, посуда цветная. И пахло всегда едой, а не затхлостью и пылью. При всей её внешности инопланетянки, Лиза оказалась хозяйкой от Бога.

Мы почти не пересекались. Я пропадал в училище, увольнительные были редкими, и те я проводил с пацанами или с бабами. А потом в квартире начали плодиться коты. Усатые, полосатые, с наглыми мордами и вечно голодным взглядом. Несмотря на это, жили мы с ней, в общем-то, душа в душу. Она меня не трогала, я её – и ладно.

Но однажды раздался звонок:

– Завтра родительское собрание. Есть идеи?

– А я тут при чём? – не понял я.

– При том! Я живу у тебя, ты меня обеспечиваешь, жрёшь мои борщи и котлеты. Ты, практически, мой опекун, неофициальный. («Обеспечиваю» – громко сказано. Кидал ей иногда немного денег на мелкие расходы. Бизнес у меня свой, небольшой. Батя перед отъездом на север оставил мне помещение на первом этаже. Сдаю его под маркетплейс. Аренда идёт стабильно.)

– И что? – всё ещё не врубался.

– В школу сходи, а-а-а! – запищала она.

Пришлось идти. И там на меня набросились, как на врага народа. «Лизавета то, Лизавета сё...» Голова гудела. Не выдержал, стукнул по столу – тот жалобно затрещал.

– Разберусь, – прохрипел я.

Вечером у нас состоялся разговор. Долгий, с матом и угрозами. В итоге она согласилась носить что-то более-менее приличное для школьницы и привести свою мочалку в божеский вид. С пирсингом ничего поделать не удалось – тут она стояла насмерть. Так что теперь она ходила в чёрных джинсах, водолазке (цвета, конечно, были мрачные, но хоть не радужные) и с каштановыми волосами вместо сине-зелёного недоразумения. «Никаких прогулов, впереди ЕГЭ. А то развела котов да борщи...» – чётко обозначил я. Как-никак командир отделения, умею донести информацию без воды.

Несмотря на её диковатый вид, она была доброй душой. Ненормальной, но доброй.

Как-то зимой я слег с температурой после учений. И она не отходила от меня — то градусник подсунет, то таблетку даст, то воду принесет. Сквозь привычную грубоватость сквозила неподдельная забота и, как мне показалось, даже страх потерять меня. Было... чертовски приятно.

– Ты вообще осознаешь, что у тебя сорок? – шипела она, наливая мне какую-то гадость. – Сдохнешь – я тебя сама прибью, чтобы неповадно было болеть!

– Не бойсь, Лизка, не сдохну, – хрипел я в ответ. – Я же офицер. Что для меня этот грипп? Ерунда.

Раньше я считал, что в женщинах главное – это формы и умение в постели. А оказалось, что приходить после караула в место, где пахнет едой, и знать, что тебя ждут – это тоже чего-то стоит. Конечно, я ей этого никогда не скажу. Да и сам до конца не признаюсь самому себе, но когда открываю дверь и чувствую запах готовящейся жареной картошки с мясом, то думаю: а ведь это, наверное, и есть то самое, ради чего стоит возвращаться.

Хотя нет, сиськи и задница – тоже аргумент. Но это уже совсем другая история.

Изначально я планировал встретить Новый год у Сашки на даче – с мужиками, водкой и традиционным разгромом. Уже собрался, даже куртку натянул... как увидел её. Лиза стояла на табуретке у окна, вешая жалкую гирлянду в виде сосулек. Спина была напряжена, плечи опущены. Вид – одинокий волчонок, который пытается создать праздник там, где его никогда не было. Чёрт побери... Я снял куртку и остался.

К моему удивлению, она накрыла стол так, что моя скромная хрущёвка на время превратилась в уютное гнёздышко. Не ресторан, конечно, но очень даже ничего. На скатерти красовались холодец с хреном, селёдка под шубой, идеальный оливье. И даже бутылка шампанского – недорогого, но

вполне сносного.

– Ты чего остолбенел, ещё даже не пили? – спросила она, заметив моё ошарашенное выражение.

– Да я в шоке, откуда ты всё это взяла? – честно признался я.

– В интернете есть не только мемы, – язвительно ответила она, но в уголках глаз заплескались довольные искорки.

Мы поужинали, выпили, посмотрели идиотские телепередачи. Под бой курантов чокнулись, а потом вышли на балкон, где падал лёгкий снег, и крикнули в ночь: «С Но-вым го-дом!». Город гудел, взрываясь фейерверками.

Вернувшись в комнату, я грузно рухнул на диван, чувствуя приятную усталость и лёгкое головокружение от шампанского. Лиза присела на краешек, поджав под себя ноги.

– Спасибо, – неожиданно сказала она тихим, непривычно мягким голосом.

– За что? – удивился я.

– Что не свалил к своим друзьям.

Она посмотрела на меня — и в её глазах плескалось что-то дикое, тёплое и до жути опасное. Возможно, виновато было шампанское. Или полная луна за окном. А может, просто эта новогодняя ночь, которая стерла все привычные границы.

И вдруг она накинулась на меня. Резко, без предупреждения. Оседлала мои бёдра, вцепилась губами в мои с какой-то отчаянной жадностью.

Это не был поцелуй. Это был штурм. Она сжала моё лицо

руками, а её язык ворвался в рот с отчаянием тонущего. Она пахла шампанским и мандаринами.

– Лизка... стой, бл***... – я сбросил её с коленей и встал с дивана, отступая на шаг. Мозг, затуманенный алкоголем, с трудом успевал осознавать происходящее. – Что ты творишь?

– Я тебя хочу, – прошипела она, её глаза горели в полумраке, подсвеченные мерцанием телевизора. – Я хочу быть твоей.

Она поднялась с пола и решительно пошла на меня. Её пальцы впились в подол моей футболки, пытаясь задрать её, а сама она бормотала что-то бессвязное. Она вся дрожала — то ли от желания, то ли от страха. А я... я чувствовал, как земля уходит из-под ног. Но не от желания. От ужаса и полной, оглушающей растерянности.

Мне пришлось собрать всю волю в кулак. Взять её за плечи — не грубо, но твёрдо — и отодвинуть от себя. Она сделала шаг назад, глаза расширились от непонимания и боли. В них плеснулась такая рана, что у меня сердце сжалось в комок.

– Лиза... нет. – Голос мой прозвучал сухо и чуждо даже для меня самого. – Нельзя. Ты же ещё ребёнок.

– Я не ребёнок! – выдохнула она, и голос её сорвался на визгливую ноту. Слезы брызнули из глаз, смешиваясь с тушью. – Мне почти шестнадцать! Я всё понимаю!

– Почти шестнадцать — это и есть ребёнок, – я провёл

рукой по лицу, пытаюсь прийти в себя. Воздух в комнате стал густым и липким. – Для меня ты ребенок. Я не могу и не хочу.

Она смотрела на меня, и по её лицу текли чёрные полосы. Вся её наглая, колючая броня рассыпалась в прах, и передо мной была просто безумно одинокая и напуганная девочка.

– Ты меня ненавидишь? – прошептала она.

– Чёрт возьми, нет! – рявкнул я, и она вздрогнула. Гнев был не на неё, а на эту невозможную ситуацию. – Послушай меня. Просто послушай.

Я сделал глубокий вдох, пытаюсь подобрать слова. Правильные слова. Те, что не разобьют её окончательно, но поставят точку во всей этой неправильной ситуации.

– Вот тебе моё слово, – сказал я, глядя ей прямо в глаза. – Слово офицера... будущего офицера. Когда тебе исполнится восемнадцать... если ты ещё не одумаешься и не передумаешь... тогда поговорим.

Она замерла, ловя каждый звук, будто от этого зависела её жизнь.

– Но есть условия, – продолжил я, намеренно делая тон жёстким и командирским. – Ты перестаёшь дурить. Никаких драк, никаких скандалов, никаких побегов из школы. И ты берёшься за учёбу. По-настоящему. Чтобы поступить в институт... в какой именно – выбор за тобой. Лиза, у тебя светлая голова, ты просто её не используешь.

Она молчала, смотря на меня с каким-то новым, стран-

ным выражением. Горечь и боль медленно уступали место чему-то другому — хрупкой, безумной, но надежде.

— Обещаешь? — выдохнула она не до конца веря моим словам.

— Обещаю, но только если ты выполнишь перечисленные условия. Все.

Она кивнула, быстро, судорожно, вытирая ладонью слёзы и размазывая их по всему лицу.

— Я все сделаю как ты сказал, — сказала она тихо, но с той же стальной решимостью.

И вот тогда я понял всю чудовищность произошедшего. Я не просто отказал — я дал ей надежду. Я приковал её к себе этим нелепым обещанием, как кандалами. И два предстоящих года мне предстояло прожить под пристальным, любящим и безжалостно требовательным взглядом этой сумасшедшей девчонки.

Глава 3

Слово офицера — это не просто набор звуков, это клятва, высеченная в камне. Её дают, глядя в глаза, даже если на другой стороне — совсем ребёнок. Особенно если этот ребёнок смотрит на тебя в новогоднюю ночь глазами, полными одиночества, а твоё собственное сердце размягчено шампанским и нелепой жалостью.

Моё опрометчивое обещание стало для Лизы не крючком, а якорем спасения. Она вцепилась в него с упорством бульдога, не собираясь отпускать никогда. И что удивительнее

всего — начала меняться на глазах.

Теперь по вечерам вместо оглушительного панк-рока из-под её двери доносилось унылое, но яростное бормотание: «Скелет земноводных состоит из... а, чёрт, опять! Череп, позвоночник, поясница... какая, к чёрту, поясница у лягушки?!»

Как-то раз, застав её за изучением анатомии собаки, я не удержался:

— Лиз, с чего такой интерес к черепам и скелетам? Решила стать ветеринаром, что ли?

— А что? Не видишь во мне доктора Айболита?

— Ну, на Айболита ты не очень тянешь, — съязвил я. — Скорее уж на ту... которая по другую сторону баррикад.

— Ну ты!.. — она надула губы, а в глазах вспыхнула обида. — Вообще-то, я всегда хотела лечить животных, — с вызовом сказала она. — Особенно тех, кому больше некому помочь. Бродячих, покалеченных... А сейчас у меня мечта стать врачом и помогать всем. Может, в будущем ещё и питомник свой открою.

— Ого, какие планы! — присвистнул я, впечатлённый.

— Да, они у меня грандиозные! — она гордо подняла подбородок и так на меня глянула, что я немедленно ретировался на кухню допивать свой чай.

И она с упоением штудировала всё, что могло приблизить её к заветной цели — поступлению в академию имени Скрябина. Я не мог не порадоваться за неё. Наконец-то у неё по-

явилась настоящая, светлая цель, а не единственная миссия по превращению моей жизни в сущий ад.

Хотя со второй своей миссией она по-прежнему справлялась блестяще. Прямых атак на мою «невинность» больше не было. Но им на смену пришла куда более изощрённая тактика выжженной земли под ехидным лозунгом «Так не доставайся же ты никому!». Она стала моей личной тенью, цензором и безжалостным киллером любых отношений.

Привести девушку домой? Неслыханная дерзость, карающая её ледяным, пронизывающим взглядом. Свидания? Только под её пристальным наблюдением, которое она умудрялась установить, материализовавшись за соседним столиком в кафе или в витрине магазина напротив. Моя личная жизнь скатилась до уровня «перепихона по-быстрому». Машина, дешёвые мотели, тёмные переулки — всё было лучше, чем потом видеть её злющие глаза и ядовитую ухмылку.

Но однажды моя авантюра закончилась оглушительным провалом. В баре я познакомился с Маринкой. Симпатичная, ухоженная женщина, лет тридцати с хвостиком. А что? Мне двадцать два, ей тридцать — какая, в сущности, разница? Фигура — огонь, улыбка — обалденная, да и смотрела она на меня так, что по спине бежали мурахи. Единственный подводный камень в виде мужа нас не смутил. Мы были находчивы. Отели — наше всё.

Тот вечер не предвещал беды. Небольшой номер в гостинице, минимум комфорта, едва уловимый запах, в котором

я пытался угадать аромат свежего белья. Но какая разница, когда перед тобой такая женщина? Я обожал этот ритуал — медленно, с наслаждением, как заправский фокусник, снимать с неё одежду. Бюстгальтер, трусики... это было похоже на распаковку самого желанного подарка.

И тут — стук. Сначала вежливый, почти застенчивый. Потом — настойчивый, требовательный.

— Иди на***, — буркнул я, не отрывая губ от её шеи.

Стук моментально превратился в глухие, яростные удары, от которых задрожала вся дверь.

— Открывай, с***, сейчас дверь с петель снесу!

— Муж... — прошептала Маринка, и всё её тело обмякло, стало ватным от страха.

— Похоже... — мрачно констатировал я, чувствуя, как всё моё мужское достоинство и желание мгновенно испаряются.

Варианты? Пятый этаж — не вариант. Прыжок в ночь равносителен самоубийству, а я, как-никак, офицер. Мне ещё Родину защищать, да и с пацанами завтра пиво пить.

Открывать? Я осмотрел себя. Стою посреди комнаты в одних лишь боксерах, ощущая себя абсолютным дебилом на фоне дешёвых обоев с унылыми цветочками. Маринка же, словно перепуганная птица, металась из угла в угол, пытаясь укрыться простынёй.

Дверь с душераздирающим треском поддалась, и в номер ворвался не монстр, а просто мужик. Не гигант, но крепко

сбитый, с шеей быка и глазами, налитыми кровью. Грязная, утробная ругань полилась водопадом. Я почувствовал, как что-то твёрдое и тяжёлое, похожее на кувалду, врежется мне в скулу. Хороший, поставленный удар, мелькнула у меня даже какая-то дурацкая профессиональная оценка сквозь звон в ушах. Устоял, но отступил. Рука сама потянулась для ответного удара... но я опустил её. А с какой, собственно, стати? Мужик был по-своему прав. Он, не церемонясь, схватил визжащую Маринку, выдернул её из-за моей спины, словно репку, и, не переставая материться, потащил голую по коридору, на потеху всем обитателям гостиницы.

Я остался один посреди выжженного поля боя, потирая расплывающийся синяк на лице. В голове стучал один-единственный, навязчивый вопрос: откуда он узнал? Это была не случайность, это был спланированный спецназ.

Ответ ждал меня дома, на диване, в ореоле беззаботности и аромата попкорна. Лиза восседала там, с безразличным видом уставившись в телевизор, где какие-то люди строили дом своей мечты.

— Ну как, отдохнул? — спросила она сладким, сиропно-ядовитым голоском, даже не удостоив меня взглядом.

И всё встало на свои места с ужасающей, кристальной ясностью. Пазл сложился.

— Так это ты! — вырвалось у меня, и я почувствовал, как по телу разливается бессильная, унижительная ярость.

— Пфффффф, — только и ответила она, презрительно

фыркнув, будто сдувая невидимую пылинку с ногтя. С видом Клеопатры, удаляющейся от назойливого раба, она поднялась и проследовала в свою комнату, оставив меня одного в гробовой тишине, нарушаемой лишь весёлой заставкой из телевизора.

Вот же коза. Гениальная, бессердечная, изобретательная коза. Она нашла идеальный способ держать меня на коротком поводке. Теперь я был её вечным пленником, заложником собственного слова. И этот плен продлится до самого её восемнадцатилетия. Если, конечно, её слепая ревность и демоническая изобретательность не прикончат меня раньше.

Глава 4

Бар «Хищник» был нашим кафедральным собором, сложенным из вековых кирпичей, сигаретного дыма и мужских сплетен. Массивные столы, испещрённые шрамами от кружек, высокие стулья, на которых так удобно было развалиться. Со стен свисали ржавые цепи и мясницкие крюки. Здесь мы собирались, чтобы отдохнуть от всего: от армейской муштры, от начальников-самодуров и, что самое важное, — от женщин. Потрещать, поперемывать кости — ведь мы тоже люди, нам нужно было выговориться, иначе сойдёшь с ума.

Я ввалился внутрь, с наслаждением вдохнув знакомый коктейль из ароматов жареного мяса и горького хмеля. Марк с Саньком уже оккупировали наш привычный угол, в зловещей тени фигуры того самого Хищника из фильма со Шварценеггером, чьи фосфоресцирующие глаза мерцали в полумраке. Тим, как всегда, задерживался. Санек мрачно пялился в дно пустой пивной кружки, а Марк... Марк просто блаженно ухмылялся своему телефону, его лицо искажалось в глупой улыбке от синего света экрана.

Я рухнул на скамью, кивнул знакомому бармену. Через мгновение передо мной уже стояла запотевшая кружка «Жигуля». Не дожидаясь тостов, я стукнул кулаком по столу, заставив звякнуть бокалы.

— Всё, мужики. Капут. Меня окончательно и бесповоротно доби́ли. Эта Лизка... Вот ведь с***, какая коза!

— Так с*** или коза, ты уж определись, — хрипло хохотнул Санек, отрывая взгляд от своей пустой кружки.

— Да все вместе, бл***! Таких ссученных коз ещё поищи!

— Что опять? — спросил он, ухмыляясь. — Уже и поступление в ветеринарную академию не спасает тебя от её «заботы»?

— Ни хрена не спасает! — я сделал огромный глоток ледяного пенного, едва не поперхнувшись. — Она теперь применяет тактику выжженной земли! На днях, бл***, натравила на меня мужа той самой Маринки... ну, я рассказывал. Только я, значит, слюну пускать начал на её сиськи, как тут — БАМ-БАМ-БАМ! — в дверь номера долбят, будто ОМОН на штурме! Итог? Фингал под глазом! Вернулся в училище с такой рожей — три наряда вне очереди получил, распишись и радуйся. А знаешь, кто виноват? Лизка-коза виновата! Это она нашла этого долб****-мужа и слила ему всю информацию! Вот что мне с ней делать, а? Задушить, что ли?

— А может, просто жениться на ней? — хохотнул Марк. — И будет тебе счастье, и ей.

— Да чур меня?! — перекрестился я. — С этой психичкой никаких дел иметь не хочу! Она же ненормальная! Прикинь, что удумала на прошлой неделе: подсыпала мне слабительное, чтобы я в клуб не пошёл! И я вместо ночного «траха» имел ночной понос! Блин, я ведь служу, у меня уволь-

нительных — раз два и обчёлся! Каждая минута на счету! А тут такая подстава...

Мужики заржали.

— Хватит ржать, — набычился я, — у вас-то процесс сбыта напряжения отлажен, как часы. А у меня... один сплошной геморрой и никакого удовольствия.

В этот момент дверь бара с распахнулась, впуслав порцию холодного воздуха и... Тима. Вот ведь павлин. Скалится во всю рожу, чёлкой своей чёртовой взмахивает. Казанова. Идет такой счастливый, будто бы не с работы, а от бабы...

— Здорово, мужики! — тянет всем руку, разваливается на свободном стуле. — Что такие кислые? Гриша, пенного на стол и бургер двойной, я голодный как зверь!

— Надо было сразу поставить её на место. Жёстко, без соплей, — предложил Санек, отхлёбывая пиво, когда я вкратце пересказал Тиму злосключения с Лизкой.

— Думаешь, я не пытался?! — взвыл я, разводя руками. — Это с адекватными работает! А с психами — нет! Вот ты свою стажёрку, эту... Аврору, мать её, чего на место не поставишь? А?

Повисла тишина, нарушаемая только смутным бормотанием мужиков за соседним столом. Лицо Санька исказила гримаса полной, абсолютной беспомощности.

— Её... её бесполезно ставить на место, — начал он. — Она ведь как божий одуванчик, смотрит на меня через эти свои огромные окуляры, глазами хлопает — будто вот-вот

взлетит. Я чуть голос повышу — а у меня чувство, будто котёнка обидел. То у неё губки дрожать начинают, то щёчки пылать. Она же вроде как не со зла мне вредит... Руки просто у неё из жо... не из того места растут.

Мы молча смотрели на него, во время его исповеди, осознавая всю глубину пропасти, в которую скатилась наша мужская независимость. Даже Марк оторвался от телефона, и его счастливая улыбка померкла, уступив место мрачному сочувствию.

— И откуда они все берутся? Не женщины, а терминаторы какие-то. Одни уничтожают напрямую, другие — через милоту и глупость.

Все взгляды, как по команде, устремились на Марка. Он, единственный, кого обошла стороной эта чума XXI века.

— Ну, повезло мне, мужики... Завидуйте молча, — с лёгкой, почти незаметной, но чертовски раздражающей ухмылкой сказал он, пряча телефон в карман.

— Вот ведь повезло, — буркнул я, чувствуя, как во рту появляется горький привкус зависти. — Янка у тебя классная. Красивая, умная... Сиськи, правда, маленькие, но зато готовит хорошо. И добрая. Вот она никогда слабительное в кофе не подсыплет. Не то что некоторые... козы.

— Ты про сиськи моей Яны думай прекращай, — набычился Марк, и его обычно спокойное лицо вдруг стало твёрдым, как гранит. — И по поводу остальных её частей тела тоже. Вообще забудь, что они у неё есть. Понял?

Я медленно поднял руки в универсальном примирительном жесте, ладонями вперёд.

— Говно вопрос, мужик. Забыл, вычеркнул, стёр из памяти. Сорян, погорячился.

Моя интонация была искренней — в наших пацанских правилах было не шутить про чужих девушек. Марк отхлебнул пива, давая понять, что инцидент исчерпан, но границы обозначены чётко.

Мы сидели в тяжёлом, но братском молчании, допивая своё пиво. Гул голосов, звон бокалов и скрип старых цепей под потолком сливались в один сплошной фон. А я... я чувствовал. Всею шкурой, каждым позвонком, этим своим шестым чувством чувствовал, что ягодки меня ждут ещё впереди.

Глава 5

Когда мне озвучили тот самый приказ — словно билет на свободу, — я чуть не станцевал лебединое озеро прямо в казарме. Три месяца! Десять недель! Девяносто дней чистого, ничем не омрачённого блаженства без этой психованной бес-тии! Я был готов на всё: жевать сухари по вкусу, напоминающие картон, отмахиваться от комаров размером с небольшой вертолёт, спать на голой земле. Лишь бы не видеть её ехидной ухмылки и не слышать: «Бодя, а куда это ты собрался?».

Свобода ударила в голову. Хотелось кричать от нахлынувшего облегчения. Нет, не так — хотелось разорвать лёгкие и орать во всё горло, чтобы эхо разносилось по плацу: «СВОБОДААААА!».

Дорога казалась вечностью. «Урал», подпрыгивая на колдобинах, вёз нас куда-то в глушь. Но когда он наконец замер на окраине деревни с говорящим названием Бабенки, я сначала не поверил своим глазам. Здесь пахло женщинами. Настоящими. А ещё — и это было главное — здесь совершенно не пахло Лизкой... **аяяя, мне всё больше начинал нравиться этот полевой выезд.

Первый же поход в местный магазин за бутылкой минералки стал откровением. Деревня Бабенки с ходу оправдала своё название. За прилавком, заваленным пачками сигарет и банками сгущёнки, стояла отнюдь не пожилая торгов-

ка в платочке, а чертовски симпатичная девушка лет двадцати пяти. Карие глаза цвета спелой черешни смотрели с хитрецей, а грудь была такой формы и размера, что так и просилась в ладони. Она медленно, оценивающе скользнула по мне взглядом — от запylённых берцев до чуть сбившейся набок кепки.

— Молодой человек, а вы надолго к нам пожаловали? — спросила она, смотря так, будто я пришёл не за «Ессентуками», а за её грешной, истомившейся в глуши душой.

Дальше — больше. Оказалось, в деревне царил самый настоящий матриархат. Местные мужики либо давно спились, либо сбежали в город, а бабы цвели махровым цветом, как пионы в палисадниках. И скучали. Страшно, до дрожи в коленках, до ночных вздохов у окна. А я тоже по бабам скучал, своей курсантской душой томился. Короче, звёзды сошлись.

Мои будни чётко разделились на две параллельные реальности. Днём — суровая армейская рутина: стрельбы на полигоне, марш-броски по бескрайним полям, рытьё окопов до кровавых мозолей. Я пахал как ломовая лошадь, но знал, что с заходом солнца меня ждёт щедрая награда.

А ночи..., эти ночи! Они были густыми, тёмными, пахнущими пыльным сеном и голой, нагретой за день кожей.

Была Катя, та самая, из магазина. Руки у неё пахли ванилью, а грудь была такой мягкой и упругой, что в ней тонуло лицо. Мы тайком встречались в дальнем сарае за фермой, где сено щекотало спину, а она, закинув голову, прикусыва-

ла мне губу, чтобы не закричать слишком громко.

Была Надя, худая, как весенняя щепка, но с гибкостью ужа. Мы щёлкали семечки на замшелом брёвнышке у реки, и она, щурясь на лунную дорожку, с ненавистью рассказывала, как мечтает сбежать из этой дыры. А потом мы трахались в ледяной воде, и её худые, но сильные ноги обвивались вокруг моей талии, будто я был последним спасательным кругом. Потом — под плакучей ивой, где ветви скрывали нас от глаз. А ещё — у большого рыжего муравейника, но там всё вышло до смешного быстро, потому что муравьи тут же полезли в штаны, нарушив весь романтический порыв.

А ещё — была Таня, местный фельдшер, женщина с грустными глазами и тёплыми руками. Её профессиональные пальцы, смазывающие мои ссадины зелёной, сводили с ума. Я не выдержал — тестостерон же, чёрт возьми, не железный. Пришлось её, что называется, подмять. Она попищала для приличия, покривилась, а потом сдалась — стонала так самозабвенно, что, казалось, баночки в её аптечке звенели в унисон.

Три месяца пролетели как один долгий, сладкий, пьяный сон. В последнюю ночь я сидел на том самом брёвнышке с Надей. Она молчала, а я, запрокинув голову, смотрел на звёзды — такие яркие и близкие, каких никогда не увидишь в засвеченном московском небе.

— Уезжаешь, — констатировала она, не глядя на меня.

— Уезжаю, — только и кивнул я.

— Жаль. Ты неплохой мужик. Для городского, — бросила она уже через плечо, уходя по тропинке.

Утром, швыряя в кузов «Урала» свой вещмешок, набитый грязным бельём и воспоминаниями, я поймал себя на странной мысли. Несмотря на всё то обильное женское внимание, что свалилось на меня за эти три месяца, я... почему-то немного скучал по Лизке. Она хоть и сумасшедшая коза, но коза практически родная. Как там она, моя ненормальная психичка? Скоро узнаю.

Но узнать не удалось. Вернувшись в свою двушку, я обнаружил её пустой. На кухонном столе лежала записка, нацарапанная корявым почерком: «Укатала в Питер с девчонками. Выпускной, последний звонок и всё такое. Не сдохни тут без меня. И не забудь кормить котов.»

Я рухнул на свой скрипучий диван, забывший, что такое мой вес, и с животным наслаждением вытянулся во весь рост. Это было абсолютное, примитивное блаженство. Тут же ко мне подтянулись четверо кошаков — спасибо, Саньку, за четвертого, век не забуду. Они улеглись на моих ногах и животе, заурчав, словно стадо бульдозеров.

И в этом уютном гудении я почти физически ощущал, как дзен накатывает на меня тяжёлыми, тёплыми волнами. Боже мой, можно спать не на земле, а на настоящем матрасе! Я закрыл глаза, полностью отдавшись этому чувству безопасности.

Тот я, убаюканный кошачьим мурлыканьем, и помыслить

не мог о том, какой ураган по имени Лиза — заряженный питерской энергетикой и щеголяющий чувством собственной взрослости — обрушится на мою размеренную жизнь всего через несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.